

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ВЛАДИМИР ХОМЯКОВ

АЛФАВИТ

Шесть вёсен мне.
Победы полдень светлый.
Земля в защитной зелени травы.
И молодой полынью пахнут ветры.
И одинок, и горек взгляд вдовы.

И я, впервые встретившись с печалью
у мраморных мемориальных плит,
по именам героев изучаю
спасённый ими русский алфавит.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Моим родителям

Рязань ликует.
Вешний цвет вокруг.
Пульсируют знамёна кумачово.
Мелькает стайка лёгкая подруг —
на целый день отменена учёба!

Они на площадь Ленина бегут:
там танцы и гармошек переливы,
оркестры там военные ведут
всё больше довоенные мотивы.

Девчонка многолюдьем смущена.
Но вальс
её подхватывает плавно.
Ей — восемнадцать.
Кончилась война.
И жив отец — прислал письмо недавно.

Кружится вальс.
Шумит везде народ.
Как тесно здесь
и до чего просторно!
Ей вечером от мамы попадёт
за то, что туфли новые протёрла.

...А где-то, под Берлином,
военврач
с друзьями пьёт по кругу за Победу!
А рядом — чей-то смех,
и чей-то плач,
и чей-то крик:
— Теперь домой поеду!

И военврач глядит сквозь дальний дым,
кричит со всеми,
плачет
и смеётся.

...А над леском, угрюмым и немым,
налившись кровью, тяжелеет солнце.

ДЕРЖАВНЫЙ ДЕНЬ

Поздравить чтобы победителей
с Великим днём,
Державным днём,
мы не в дома своих родителей,
а на могилы к ним придём.

Разложим на газетной скатерти
снесь
да забудем про вино:
пускай порадуются матери,
что мы не пьём уже давно.

Тюльпаны,
нами принесённые,
росу уронят поутру.
Замрём,
Победою спасённые,
замрём на праздничном ветру.

На солнце вспыхнут звуки медные
и вознесутся в облака.
И там, на площади,
победные
слова промолвит сын полка —

одним останется единственным
из тех, кто слышал ближний фронт.
А те, кто был в огне неистовом,
уже уйдут за горизонт.

За горизонт,
где синь закатная
и остывающая мгла,
куда тропинка безвозвратная
сквозь всю Россию пролегла...

*Рязанская область,
город Сасово*

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

* * *

Россия — смерть моя, зараза.
Чужая речь, чужая власть.
Вся нечисть гордого Кавказа
В Москве сегодня собралась.

В стране, поистине медвежьей,
Где вне закона честный труд,
Нас всех на площади Манежной
Теперь, наверное, убьют.

Повсюду тьма и кровь народа,
И бледный, жалкий, словно тать,
Кричит державный Держиморда:
“Сажать! Безжалостно сажать!”

Прощайте, русские мальчишки!
Давно растоптан красный флаг.
Для вас теперь — конвой и вышки...
Виват, медведевский ГУЛАГ!

Мы ляжем все в могилах узких,
Сказав извечное: “Эх, ма!”
Теперь Россия не для русских,
А для приبلудного дерьма.

Медведи жмут друг другу лапы,
И, виноваты без вины,
Идут мальчишки по этапу
В глубины преданной страны.

Вот Магадан, всё та же пристань.
Конвоя сумеречный взгляд.
И тихо плачут декабристы
Над болью русских декабрят.

* * *

Земля умирающих сёл и надежд, прогоревших дотла,
Земля неподвластных уму предсказаний и сказочных токов,
Где речка свернулась, насквозь проржавела ветла,
Где волчьи следы известняка сохранит для потомков.

Проходят минуты, как ёжики в листьях шурша,
Наверное, всё это вскоре я всё-таки брошу...
Когда-то, я помню, цеплялась за землю душа,
Но нет больше силы нести непосильную ношу.

Мне трудно вдыхать, созерцать и беду осязать,
И землю любить, безутешную кровью и потом.
Верни меня, Боже, как мёртвую речку, назад.
Сыграй меня вновь, как каприз по утраченным нотам.

Верни меня, Боже, в утраченный памятью век,
Верни за черту твоего неудачного века.
Прекрасны истоки ещё не родившихся рек
Прекрасен Эдем, позабывший следы человека.

Пос. Шелехметь Самарской обл.

ЮМИЛЬ БУЛАТОВ

УЛИЦА МОЦАРТА

Как былинный герой, я стою на холме
На краю задымленной долины.
Левый берег вдаль — странно видится мне,
Будто жил я здесь хуже скотины.
Счастье выпало мне: как большой господин,
В сани сел, но большая ватага
Потеснила меня, я остался один —
Чемодан да былая отвага.
Словно гусь мелким шагом, не видя куда,
Я ходил заблудившимся чёртом.
Да, я в каменке жил... Как попал я сюда,
Знает только лишь улица Моцарт.
Ах, японский пейзаж этих ветхих хибар —
Провода да деревьев метёлки:
Как случился сто лет чёрно-белый пожар,
Не заходят сюда даже волки.
Дальний дом на углу! Слышу музыку я —
У рояля сидит Маргарита.
Рядом Моцарт стоит — о какая семья!
Память вечная крепче гранита...
Вдруг пахнуло хмельным! Хватанул сердце дым,
Затопились старинные печи.
Хлебный запах вернул к тем годам молодым,
Когда жили мы по-человечьи...

* * *

Здравствуй, крещёный народ православный,
С красной звездой на могучей груди!
В тысячелетней Истории главной
Русский народ был всегда впереди.
Сколько безумцев с кровавого пира
Вылечил русский народ, словно врач,
Славная Русь, как лечебница мира,
Всех примиряла, желая удач.
Ты уж прости мя, народ стоязыкий,
Братья и сестры, чуваш да мордва.
Вот перед вами поэт невеликий —
Правда ли, будто за нами Москва?
Пусть не Москва, но российские дали
Неустрашимыми видятся мне.
Уж не казните — за всех отстрадали
Мама в тюрьме да отец на войне.

г. Новосибирск

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

БОЖИЙ СЛЕД

Николе Радеву

“Господь ходил когда-то по земле, —
так говорил с тоской Никола Радев. —
Мир не тонул тогда в кромешном зле,
и люди были все друг другу рады...”

Что изменилось с тех далёких пор?
Всё так же море пенится в прибое.
Прохладный воздух льётся утром с гор,
восходит солнце в небо голубое.

Французы — так же любят лягушат,
а немцы — пиво, рульку и капусту.
Ну, а в России — водкою грешат
и матерятся (“Чтоб всем было пусто!”).

Плывёт над миром белых тучек пух,
целует солнце каждый лоб с любовью,
но дух — угас, и жар сердец — потух,
и пульс затих, не движим стылой кровью.

Мы отступили от своих святынь,
как староверы — от прадавних кладбищ.
Так в оны дни — был предан Божий Сын.
Так в наши дни — сдан Радован Караджич.

Грядущий день теряется во мгле.
Что нам осталось? Разве только помнить,
что Бог ходил меж нами по земле,
чтоб наши души верою наполнить.

г. Москва

ЕЛЕНА ИВАНОВА

НА СОШЕСТВИЕ БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТИ

*Здесь были мне отпущены грехи —
Так стало и легко, и просветлённо...*

Светлоград Ставропольского края.

12 августа 1988 г.

Радость моя, ты на том берегу,
Где я окликнуть тебя не могу.
Надвое мир разделила река,
Не перейти — широка, глубока.

Даль не видна из-за пасмурных туч,
Робок надежды проглянувший луч.
Вот заплескали и бьют по воде
Белые крылья твоих лебедей!

Радость моя, по волнам ты пришла
Ангелом светлым, не знающим зла.
В той лучезарной твоей стороне,
Стало быть, помнят ещё обо мне.

Помнит тропа на опушке лесной,
Помнит струящийся маревом зной,
Помнит заречный ромашковый луг,
Помнит любимый и любящий друг.

Радость моя, наконец ты со мной!
Берег мой чистой омыла волной,
Словно бы Некто из праведных сил —
Строгий судья — мне грехи отпустил.

И ни сомнений, ни мук, ни тревог!
Миг — и уйдёт она...
Дай тебе Бог,
Радость моя!
Ты в своей стороне
Помни меня, не забудь обо мне.

БЕРЕЗКА, НА УХО ШЕПНИ...

В её узорчатой тени
Ромашки — кружевною прошвой.
Берёзка, на ухо шепни,
Кем ты была мне в жизни прошлой.

И кожи бархатной твоей
Зачем касается так нежно
Ладонь моя, как будто ей
Нет в жизни радости утешней?

И где б ещё мне довелось
Так ощутить своё, родное?
Вот пряди светлые волос,
Вот шея, тёплая от зноя...

Уже мои склонились дни
Вон к тем крестам за тихой речкой...
Берёзка, на ухо шепни,
Кем ты мне будешь в жизни вечной.

* * *

Всё будет — было бы желанье.
Я приглашаю вас. На чай.
...Ну, вот и всё. И до свиданья.
А впрочем, нет: прости-прощай!

По расписанью электрички
Скользнула пальцем:
В самый срок!
Он закурил лишь с третьей спички,
Две обломав о коробок.

Я слышала: запела вьюга.

— Идите... Буду помнить вас...
И глянули в глаза друг другу:
В последний раз
И... в первый раз!

г. Ставрополь

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

ГОГОЛЮ

Мы потеряли не в бою
Страну великую свою —
Державы вековые скрепы
Рубили росчерком пера
Опять предавшие Петра
Три беловежские Мазепы.

Не помогли тома твои,
Замешенные на любви,
На братской нежности славянства,
Найти надёжные пути
И нашу Родину спасти
От подлости, от окаянства.
Боюсь, великий Ревизор,
Увидеть беспощадный взор
И услышать укор суровый,
Когда ты спросишь нас:
“Не вы ль
Виновны, что лютует Вий,
Как Змей-Горыныч, трёхголовый?”

А что ответить?
Как не мы:
Давно ль Днепра, Москвы, Невы
И Свислочи струи кипели —
Но и фашистский бомбовоз
Не смог поставить под вопрос
Величье киевской купели.

Одной водою крещены,
Победной славой возвращены —
Одной судьбой неустрашимой,
Росс, малоросс и белорус,
Обречены мы на Союз
Навек святой и нерушимый!

Не зря ведь, Гоголь, твой Тарас
Опять заблудших учит нас
Тому, как лечится измена!
И мы отстроим топором
Всё, что разрублено пером
Ополоумевшего Змея!..

ДЕФОЛТ

Памяти Константина Гейна

Лучший в школе математик,
На заводе — лучший спец,
Шахматист, мудрец, прагматик,
Сыновей двоих отец,
В девяностые метался,
Чтобы выжила семья.
Взял кредит — и просчитался.
И печальна была бы сия.
И осталось только фото,
Где в гробу товарищ мой,
Как свидетельство дефолта
Демократии самой...
Моют сталинские кости,
О репрессиях кричат,
Говорят о Холокосте,
А об этом все молчат.

г. Тула

ВИКТОР АНТОНОВ

ЧУХЛОМА

Есть городок провинциальный.
Его в душе своей сберёг,
Лесной, озёрный, первозданный,
Хранимый детством уголок.

Там в октябре уже метели
Последний лист срывают с лип...
И я верхом на карусели.
И первый снег к губам прилип.

Там церковь, словно голубь белый,
Взметнулась в небо над горой.
Туда, я помню, первым делом
Водила мать меня с собой.

Бульвар, где каждая тропинка
Осталась в памяти моей:
И я лечу, лечу снежинкой
Среди пуховых тополей...

Там, в костромской сторонке дальней,
Иду, как будто бы в ночи,
В толпе какой-то привокзальной...
И вновь во сне чухломичи.

Вот так негаданно, неожиданно
Приснился, как судьба сама,
Мой городок провинциальный —
Моя родная Чухлома.

* * *

Глебу Горбовскому

Читаю Горбовского Глеба
В глухой деревушке, где нет
Ни белой церквушки, ни хлеба,
Где не был ни Тютчев, ни Фет.

Читаю Горбовского Глеба,
И кажется, вроде бы пью
То синь беспредельную неба,
То вздох, что упал в полынью.

Горбовского Глеба читаю,
И видится мне, как во сне,
Как будто я рану сжимаю,
Как будто лечу на коне.

Читаю Горбовского Глеба —
Жива ещё русская речь.
Стихи будто солнышко с неба,
Но как их, но как их сберечь?..

г. Владивосток

НИКОЛАЙ НИКАНДРОВ

СЕРЁГА

1

Знакомы были с давних пор
Я и Серега — бывший вор.
Не для базара мы ходили
Дышать свободой в дальний бор.

Вели беседы меж собою
И, довершая марш-бросок,
Мы под ангарскою сосною
Употребляли “портвешок”.

Припёртый воровским законом
За непонятные грехи,
Серега зло и отчуждённо
Читал взахлёб свои стихи.

Бор истекал смолистым дымом,
Озон входил под самый дых.
Вор знал: грядёт неотвратимый
И беспощадный суд блатных.

Всё было страшно интересно,
И я ловил его черты:
От воровского интеллекта
До диковатой красоты.

Не ведал робости Серёга,
Был одинок и нелюдим,
А поселковые сироты
Готовы в бой идти за ним.

Уже не туз козырной масти
И с фраерами заодно,
Он в куртке, выстиранной наспех,
Являлся вечером в кино.

В дощатом клубе поселковом
Под танцы отдан кинозал,
Его манило к васильковым
Тамарки Стешкиной глазам.

Стоял в простенке вор бывалый
И не сводил с Тамарки глаз.
А та с другими танцевала
Под радиолу томный вальс.

Он, неприкаянный и странный,
С людьми общенья не искал,
И как-то вечером туманным
Куда-то наглухо слинял.

В посёлке, что под Красноярском,
О нём забыли через день,
А вскоре бойкая Тамарка
Рванула с узелком в Тюмень.

2

...С тех пор прошли десятилетия.
Страна сменила паруса.
Посёлка нет на белом свете.
Осталась гари полоса.

Охотники и погорельцы
В свои зимовья уползли.
И был слушок: в земле тюменской
Возникли нефтекороли.

3

...По Транссибирской магистрали
Мой “Сибиряк” просторы рвал,
В нутро тюменского вокзала
Я за газетой забежал.

И вдруг, как поражённый током,
Я прекратил поспешный ход:
С обложки бывший вор Серёга
В упор рассматривал народ.

Старик, морщинистый и строгий.
Богатый галстук и сюртук
Покроя для персон немногих —
Для олигархов и ворюг.

Гламур журнального портрета
В манере тонкого холста:
Не вижу знаков интеллекта,
Но в масть блатная красота.

Статья торжественно трубила,
Что этот моложавый дед —
Тюменской нефти воротила —
Отметил восемьдесят лет.

Звенела медь передовицы,
Сплетала лыко и строку
Про дорогую виллу в Ницце,
Про яхту-люкс на берегу.

Два сына — оба бизнесмены,
По всем статьям — сибиряки,
А рядом, чуточку надменно,
Вовсю сияли васильки.

“Ну, братец, выкинул ты штуку”:
Под скрежет рухнувших основ
Привёл опять судьбу, как суку,
В кодык элитных фраеров.

Вполне возможно, на “нефтянке”
Ты подловил нагульный фарт.
Сожги ненужные портянки
С колодою краплёных карт,

Поставь избу на Мастерице,
Купи коттедж, хотя б в Перми,
Но яхта с виллой за границей —
Не та фортуна, чёрт возьми!

Мелькнула мысль о встрече нашей,
И поперхнулась в тот же миг:
Он будет — точно! — гнать парашу
Про возвращённые долги

За нищету и униженья.
За жизнь блатных, за лагеря...
И все растаяли сомненья:
Подумал я о встрече зря.

Навстречу перли эшелоны —
Цистерн округлые бока
Покачивались на перегонах.
В европы шла “нефтянка”.

Трансиб стонал от напряженья,
Цистернам тем потерян счёт.
Чем выше куш обогащенья,
Тем больше нищих и сирот.

4

Скажи мне, бывший вор Серега,
Пенсионеру из Москвы:
Как избежал ты злого рока
И откупился от братвы?

Нож на тебя застыл в кармане.
Тебя откат от смерти спас.
Ты не свечу поставил в храме —
Купил хрустальный унитаз.

Живешь без страха, но с опаской,
Прекрасный харч, нехилый кров.
Крутой финал “Калины красной”
Не для успешных паханов.

Я не судья тебе, Серёга,
Старенья сроки коротки.
Тебе дано судьбой и Богом
Сберечь супруги васильки.

Мы в жизни квиты меж собою,
Черта на финише одна.
...В бору, разбитая грозюю,
Звенит ангарская сосна.

Сентябрь 2010 г.